

Секция «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»

К вопросу об ответственности за размещение "Фейковых новостей"

Научный руководитель – Подройкина Инна Андреевна

Хальзов Мирослав Игоревич

Студент (бакалавр)

Российская таможенная академия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: xalzov73@mail.ru

Бурное развитие информационных технологий в XXI веке позволяет ежесекундно получать и распространять любые сведения о событиях, происходящих вокруг нас. Еще пятьдесят лет назад для такого информационного обмена требовались целые месяцы, а иногда и годы. Подобные инновации затронули жизнь не только отдельной современной личности, но и общества, государства, мирового сообщества в целом. Так, например, улучшилась система связи между отдельными звеньями органов государственной власти, информация о деятельности государственного аппарата стала доступной и открытой. События, происходящие в мире, за считанные секунды становятся известными буквально в каждом уголке планеты. Затронули данные технологии и сферу уголовного права - с помощью информационных ресурсов разрабатываются и создаются новые технологии регистрации и поиска преступников, федеральные законы, вносящие изменения в действующий Уголовный кодекс РФ немедленно размещаются на официальных сайтах и являются общедоступными [1].

Несмотря на указанные положительные моменты, стремительное развитие информационных технологий породило немало социальных проблем и стало идеальной средой для совершения новых «информационных преступлений». В современном мире нарастает проблема распространения заведомо ложной («фейковой») информации, которая наиболее остро проявилась при пандемии коронавирусной инфекции. Вызывается это, в первую очередь, тем, что традиционные СМИ утрачивают свое влияние и теряют аудиторию, одновременно появляется множество альтернативных источников (VK, Facebook, Telegram и др.) государственный контроль за которыми практически и теоретически не реализован. В связи с этим, актуализируется потребность в поиске новых, оптимальных механизмов по обеспечению права граждан на достоверную информацию.

У недавно вступивших в силу поправках к Уголовному кодексу РФ (Федеральный закон от 01.04.2020 № 100 ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и статьи 31 и 151 УПК РФ») есть сторонники и противники, отстаивающие свои позиции по поводу соотношения таких категорий, как «право на свободу слова», «злоупотребление свободой слова», «ответственность в информационном пространстве» [2]. Защитники прав и свобод в цифровой среде наблюдают во вносимых изменениях шаги государства в сторону грубого ограничения свободы слова, что, на наш взгляд, не совсем обоснованно. Так, в качестве нововведений выступают статьи 207¹ и 207² УК РФ, устанавливающие ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия. Параллельно с этим, Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ» ст. 13.15 была дополнена частями 10.1 и 10.2, регламентирующими ответственность юридических лиц за аналогичные правонарушения.

В качестве спорного (и обязательного) признака объективной стороны вышеуказанных преступлений выступает элемент публичности. 21 и 30 апреля 2020 года Президиум Верховного Суда РФ утвердил два обзора по отдельным вопросам судебной практики.

В Обзоре № 2 Президиум ВС под признаком публичности понимает адресацию информации группе или неограниченному кругу лиц и выражение такой информации в любой доступной для них форме (например, устной, письменной, с использованием технических средств) [4]. Отметим, что позиция Пленума Верховного суда РФ по данному вопросу в юридической литературе подверглась критике. Так, Д.О. Чернявский считает «невозможным признать массовую рассылку СМС-сообщений, писем по электронной почте и т. д. в качестве публичного призыва» [3]. Автор аргументирует свою позицию тем, что понятия «публичный» и «массовый», несмотря на то, что близки по значению, не равнозначны. По его мнению, «массовый» - это количественная характеристика, а «публичный» - качественная.

В анализируемых составах законодатель решил отказаться от формы деяния в виде активных действий, характерных для смежных составов преступлений (ст. 140, ст. 237 УК РФ). Однако стоит заметить, что отсутствие информации в некоторых ситуациях выступает более опасным, чем ее недостоверное распространение (например, авария на ЧАЭС 1986 года). Почему в таком случае в норме отсутствует указание на пассивную форму поведения? Представляется, что такой шаг обуславливается особенностями субъекта преступления, не обладающего нормативно закрепленными обязательствами по распространению важной для населения информации.

Определенные трудности среди правоведов возникают при отграничении преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ от административных правонарушений, предусмотренных ч.ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, если деяние совершается физическим лицом. Сравнение объективных и субъективных признаков составов этих норм явно свидетельствует, что четких критериев разграничения нет. Пытаясь упредить возможные сложности в правоприменительной практике, Президиум ВС в Обзоре № 1 указывает, что для уголовной ответственности следует учитывать цели и мотивы «совершаемых действий (например, для того, чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка)», что деяние «представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности». В данной ситуации можно наглядно проследить тенденцию размывания границ между административным и уголовным правом, более того, в ст. 13.15 КоАП РФ (в отличие от ст. 207¹ УК РФ) четко указывается, каким правоохраняемым благам может быть причинен вред.

Стремление законодателя с помощью уголовно-правовых средств ограничить распространение недостоверной информации свидетельствует о бессилии сложившейся системы контроля за распространением информации. Возможно ли вообще решение данной проблемы с помощью уголовного закона? Мы не уверены в эффективности уголовно-правовых механизмов в этом случае, полагаем вполне достаточными использование административно-правовых средств реагирования на случаи распространения недостоверной информации.

Источники и литература

- 1) 1. Андреев В.Л., Соловьев, В.С. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в период распространения новой коронавирусной инфекции // Общество и право. - 2020. - №2 (72).
- 2) 2. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. - 2020. - № 5. // КонсультантПлюс, Версия Проф. – 2020.
- 3) 3. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 214 с.

- 4) 4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 [Элек-тронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. 2020. 30 апр. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28881> (дата обращения: 26.02.2021).